

соборное же – всечеловеческое. И поэтому очищение души подвигом, снимая все субъективное и случайное, открывает подвижнику вечную перводанную правду человеческой природы, человечности, созданной по Христу, т.е. абсолютных устоев твари; подвижник находит в глубине собственного духа то самое, что предварительно уже выражалось и не могло не выражаться на протяжении истории. Из глубины своей подвижник и при суете дневной, видит красоту звездного неба»¹

Литература

1. Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский. – М.: Путь, 1990. – 490 с.

ТВОРЧЕСТВО В.Н. КРУПИНА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Семькина Елена Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологии ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»,
г. Белгород (Россия)

В пространстве гуманитарного образования русская литература всегда занимала место в одном ряду с историей, философией, лингвистикой, давала те важнейшие аксиологические ориентиры, которые возвращали в человеке человека, выступала проводником ценностей, переходивших из поколения в поколение, «составлявших основные параметры измерения человеческой души»², духовную основу жизни и не исчезающих с ее физическим завершением.

Не секрет, что «правильное» чтение (обдуманый выбор произведений, последовательность знакомства с ними) предопределяет «судьбу писателя» в читательской биографии. Признавая тот факт, что «внимание студента», «птица» непостоянная, беспокойная и непоседливая», что «поймать ее нелегко, а удержать – еще труднее», что оно «собирается наспех, кое-как, неумело», а «слушатель-зритель-читатель отнюдь не летит навстречу художнику», И.А. Ильин вслед за В.О. Ключевским пояснял: «Внимание его можно уподобить узенькой и засоренной щелке, в которую трудно проникнуть; или же, наоборот, пустому пространству, через которое все проносится бесследно, рассеиваясь и исчезая. Такого человека надо еще разбудить, позвать, заставить его сосредоточиться, приказать ему. Он сам не сумеет вылепить в душе воспринимаемый образ искусства; душевная глина его слаба, ни лепкостью, ни держкостью не отличается, отзывается трудно и неточно, и очень легко рассыпается. Материал, из которого надо лепить в душе читателя, плох, а сроки коротки. Поле для художественного посева дается маленькое, условно, клочками, урывками; и душевная земля сия есть (в художественном отношении) чаще всего каменисто-песчаная неудобь»³. И добавлял: «Художник

¹ Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский. М.: Путь, 1990. – 490 с.

² Через духовное обновление к национальному возрождению. – М.: МОО «Всемирный Русский Народный Собор», 2012. – 237 с. – С. 70.

³ Ильин И.А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. VI. – Кн. 1. – 560 с. – С. 172-173.

должен помнить, что душа читателя-слушателя-зрителя идет ему навстречу вяло, неумело и лениво; с совершенно неприличным (в художественном отношении) словечком на устах: «Некогда!» <...> Большинство зрителей не умеет смотреть (*созерцать!*) [здесь и далее выделено И.А. Ильиным. – Е.С.]; большинство слушателей не умеет слушать (*внимать!*); большинство читателей не умеет читать (*лепить верные образы!*). Хотят развлечения; ищут удовольствия; жаждут не «запречься» и «везти», а «распречься» и «повалиться», как усталые и ленивые кони <...> Это значит: не тяни, не откладывай; не проматывай читательского внимания <...> «Поезд стоит всего одну минуту». В эту минуту ты должен завладеть вниманием и сердцем читателя. Не сумеешь, разочаруешь, не успеешь – плохо твое дело!»¹.

В потоке современной литературы, разбавленной «чтивом на потребу дня», обычному читателю разобраться бывает непросто, да и не каждый готов к «духовной сосредоточенности, духовным усилиям», которых требует «истинное искусство», «обещающее за это прозрение, мудрость и радость»². В числе сегодняшних авторов, чье творчество пронизано светом евангельской истины, неподдельной любовью к человеку, родной земле, Отечеству, – В.Н. Крупин, прозаик, лауреат Первой Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (2011). В его произведениях соединились история и современность, раздумья о непреходящем и временном. Системное включение произведений этого автора в пространство гуманитарного образования, несомненно, подготовит почву для пробуждения «духовности инстинкта» (И.А. Ильин), превратит подготовку к учебным занятиям в «душеполезное чтение», наполнит их светом доброты, человечности, сердечной отзывчивости. В работе «Дети! Последнее время!» писатель напоминает: «Литература для славян никогда не была ни развлечением, ни наживой, она была борьбой за человека, его душу. Чистота и прозрачность славянской поэзии и прозы в лучших ее образцах была родниковой. Таковой и должна остаться»³.

Проза В.Н. Крупина представлена сегодня десятками книг, многочисленными публикациями в периодике. В них – радости и скорби, прозрения и тайны человека. Среди изданий нового тысячелетия – книги «Русские святые» (2003), «Повестка» (2005), «Освящение престола» (2005), «Незакатный свет» (2006), «От застолья до похмелья. Русский взгляд на глобализм» (2007), «Босиком по небу» (2009), «Скоро утро, но еще ночь» (2009), «Афон. Стояние в молитве» (2010), «Записки счастливых дней» (2010), «Легкие облака» (2010), «Последний бастион Святости. Господи, спаси Россию!» (2013), «Время горящей спички» (2013), «На днях или раньше. Книга странствий» (2014), «Море житейское» (2015).

Три опоры есть у прозы В.Н. Крупина: Вера, Надежда, Любовь. Чуткий читатель услышит в его произведениях голос: то молитвенно-смиренный, то негодующе-взволнованный, то радостно-приподнятый, то пронзительно-

¹ Ильин И.А. Основы искусства. О совершенном в искусстве // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. VI. – Кн. 1. – 560 с. – С. 172-173.

² Там же. – С. 77.

³ Крупин В.Н. Книга для своих. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 512 с. – С 210.

печальный. Этот голос исходит из самого сердца человека, посвятившего себя многотрудному писательскому служению. Оно – словно стояние в молитве: за веру, Отечество, русский народ. «Искусство есть *служение и радость*, – находим у И.А. Ильина. – <...> Все великое в искусстве родилось из служения; служения свободного и добровольного, ибо – вдохновенного. Не из службы или прислуживания, не из властного «заказа», воспринятого рабскою душою», а из ответственного служения того, кто призван «веле^{ньем} Божиим» быть хранителем СЛОВА¹.

Воцерковленный человек, В.Н. Крупин видит писателей «духовными вождями народа», которые, будучи выходцами из народной среды, не ушли от нее. Они «жили совестью народа», «вместе с ним печалились и радовались, берегли его святыни» («Россия спасет мир, а Россию спасет святость»). Прозаик пристально всматривается в действительность, получая от нее импульс к созданию злободневных произведений, которые, убежден он, обязательно должны быть современными и своевременными. Православных писателей В.Н. Крупин называет воинами, оружием которых является слово, «обеспеченное золотом любви», и оно «обязательно победит» («О назначении писателя в России»). Эта миссия связана и с теми, кто имеет отношение к гуманитарному образованию, кто вслед за А.П. Платоновым понимает, что «ведер и паровозов можно наделать сколько угодно, а песню и волнение сделать нельзя. Песня дороже вещей, она человека к человеку приближает. А это трудней и дороже всего».

Думы о величии подвига народа на ратных полях России (Куликовом, Бородинском, Прохоровском) выводят В.Н. Крупина на размышления о четвертом ратном поле – поле сегодняшней битвы за человеческую душу: «Тогда убивали тело, сейчас душу. Сейчас тоже идет Отечественная война, война света с тьмой» («Время горящей спички»). Особенно остро эти мысли звучат в публицистических работах, собранных в «Книге для своих» (2012)². Обдумывая исторический путь России, В.Н. Крупин связывает его с Божьим промыслом, говорит о том, что «войны посылались для вразумления» народа, упустившего нечто важное в определенный период духовного развития («Опричники Ватикана»).

В центре очерка «Наполеон в подъезде» – воспоминания о посещении Парижа, где и в бездомном жива генетическая память о событиях 1812 года: «Он сразу вычислил во мне русского, вскакивая при моем приближении и отдавая мне честь. Он, говоря жаргонно, «косил» под Наполеона, головным убором у него была картонная треуголка. Он картинно боялся меня, кричал: «Бородино, о! О! Кошмар! Ужас!» Приходилось подавать остатки офранцуженной валюты <...> Когда рано утром я начинал поход по Парижу, он уже был на ногах, вытягивался во фронт при моем приближении, картинно тряся от страха и восклицал: «Кутузов!» («Наполеон в подъезде»).

¹ Ильин И.А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. VI. – Кн. 1. – 560 с. – С. 53-54.

² Крупин В.Н. Книга для своих. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 512 с.

Воспоминание, вызванное парижскими впечатлениями автора, – источник боли за современную Россию, за родную столицу, которая «переплюнула своими масштабами нищеты и бездомности все столицы мира» («Наполеон в подъезде»). И единственным спасением на ратном поле современного Отечества является, по убеждению писателя, Православие, ибо две сотни лет назад «русская зафранцузенная жизнь, уклонение от Православия были исправлены нашествием французов» («Ленин, Сталин, полбубей...»). «Это мужская работа – спасти Отечество, Державу, Государство, Россию», – говорит прозаик («От обороны к наступлению»). «Обиды не страшась, не требуя венца», В.Н. Крупин последовательно выступает в защиту самобытности русской культуры, многовековых традиций народа, является приверженцем идеи соборности, сторонником курса на православное государство. Вслед за святителем Филаретом Московским он повторяет: «Сила Государя – в верности Богу, сила государства – в преданности Государю <...> Блаженно Отечество, которое помогает гражданам достичь Отечества Небесного»¹.

Публицистика В.Н. Крупина – откровение человека, ставшего одной из заметных фигур русского патриотического движения, писателя, который почти полвека вносит своими работами решительные штрихи в многоликий портрет эпохи. Источником, несущим спасение человеку и России, убежден

В.Н. Крупин, является «классика, берущая соки питания у Священного Писания, у летописей, былин, житийной литературы, народных песен»², «сохранившая народное чувство семьи, родины, веру христианскую»³.

Размышляя о литературе, В.Н. Крупин признается, что прошел три этапа, пытаясь понять ее назначение: во-первых, стремление нарисовать объективную картину, опираясь на собственный жизненный опыт, – «свидетельское показание пишущего о том, что он видел»; во-вторых, попытка «внедрить в жизнь достижения национальной и мировой культуры», когда приходит понимание того, что все уже написано классиками; и, в-третьих, видение в литературе «средства и цели приведения заблудших (и себя самого) к свету Христову»⁴, «мостика между мирской жизнью и духовной». «Господь посетил меня еще в детстве, – говорит писатель. – Меня крестили уже маленьким мальчиком в сельской кладбищенской церкви <...> И помню ощущение, что я вдруг вошел в число тех, кто идет за Христом. Это, конечно, счастье огромное»⁵.

В одной из работ автор, исполненный сыновней любви к родине, к семье, вспоминает: «Я бежал с цветами для мамы, с хвощами для младших брата и сестренки. Старшие, казалось мне, заботились о себе сами, а о младших должен был заботиться я. С небес, с небес меня окликнули, назвали по имени. Я замер, ждал, что еще что-то услышу. Нет, тихо. Помню дорогу, на которой стоял, темно-желтую пашню справа и траву слева. И этот голос, глас, оклик. Ну не

¹ Крупин В.Н. О назначении писателя в России // Крупин В.Н. Книга для своих. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 512 с. – С. 275, 278.

² Крупин В.Н. Русская классика и народность – хранители нравственности // Крупин В.Н. Последний бастион Святости. Господи, спаси Россию! – М.: Алгоритм, 2013. – 272 с. – С. 22.

³ Крупин В.Н. «Дети! Последнее время!» // Крупин В.Н. Книга для своих. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 512 с. – С. 209.

⁴ Крупин В.Н. Слава Богу за все // Роман-газета. – 1995. – № 17. – С. 73.

⁵ Крупин В.Н. «Мы избрали путь за Христом...» // Благовест. – Самара, 1998. – № 21. – С. 3.

выдумал же я его. Значит, я был не один среди пространства, берегущий меня сказал мне: «Не бойся, я с тобою». С тех пор писатель живет с ощущением постоянного присутствия Божественной надмирной силы. Его память хранит материнский завет: «О Боге плохо не говорить».

В годы армейской службы, в увольнении, признается прозаик, нередко возникало желание побыть в храме, а когда учился в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской, часто ходил с однокурсниками в Елоховский собор, ездил в бывший Загорск. Эта тяга всегда находила радостную поддержку у матери. И сегодня в семье Крупиных хранят в памяти «бабушкину икону» (Образ Господа Вседержителя), которая висела в красном углу, давала силы и которую долго принимали за икону Николы Угодника, берегут родовой крест, который откопали во дворе, когда строили баню, чудом уцелевший во время пожара в родительском доме, помнят хлебную корку, неожиданно найденную за иконой в голодный 1947 год. И ощущение, что Тот, Кто однажды окликнул с небес, направляет и бережет, поддерживает писателя всю жизнь. Это словно благословение на труды – во славу Господа, Отечества, русского народа.

Образность В.Н. Крупина рождена мелодикой народной речи, русских народных сказок, напевностью былин, поэзии В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, И.З. Сурикова, А.В. Кольцова, Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова. Заслышав удивительные слова, ребенок улавливал движения души, которые со временем вылились в трогательную песнь о России – литературное творчество, где есть и восхищение красотой родной земли, и неподдельная сыновняя любовь к Отечеству. «Одухотворенное слово не отыщешь листанием словарей, оно в тебе с детства, от бабушек по отцу и по матери, от реки и леса, от первых слез, от первой любви, оно, чистое и родниковое, оно в тебе...» – пишет В.Н. Крупин в работе «Россия спасет мир, а Россию спасет святость».

Любовь ко всему сущему пронизывает произведения В.Н. Крупина. Герой его лирико-философских рассказов и миниатюр сердечным оком созерцает вечную красоту мира. На родине охваченный умилением и тихой радостью, оглядываясь вокруг и вслушиваясь в себя, он замечает: «Все боли, все обиды и скорби, все мысли о плохом исчезнут навсегда в такие минуты. Только воздух и небо, только облака и солнышко, только вода в берегах, только родина во все стороны света, только счастье, что она такая, красивая, спокойная, добрая. И вот такая течет по ней река Лобань» («Река Лобань»). Затаив дыхание, герой всматривается и вслушивается, ощущая прикосновение к вечности: «И редкие птицы *будут* лететь по середине Лобани, и *будут* забывать о своих делах, засмотревшись в ее зеркало. Ревнивые рыбы *будут* тревожить водную гладь, подпрыгивать, завидовать птицам и шлепаться обратно в чистую воду». Он словно вторит лирическому герою И.А. Бунина, который прозревал: «О счастье мы всегда лишь вспоминаем, а счастье всюду. Может быть оно – вот этот сад осенний за сараем и чистый воздух, льющийся в окно...».

Автобиографизм – одно из примечательных свойств прозы В.Н. Крупина. «Видения родины» поднимаются со дна души в воспоминаниях, проступают в снах. Сердце героя на родине «соединяется с сердцем детства и юности» самого

автора, чье творчество вышло в недрах вятской земли («На родине», «Красная гора», «Река Лобань», «Отец, я еще здесь»). Потому сюжеты многих произведений разворачиваются в Вятке, а прототипами героев становятся земляки. «Кильмезь, сердце мое!» – восклицает «вятский уроженец» В.Н. Крупин¹. В рассказе «Красная гора», сочинении лирико-философского характера, повествователь ступает босыми ногами по родной земле, желая «оживить в себе самого себя, чистого и радостного», он «цепляется за прошлое, извиняя себя, теперешнего, нахватавшего на душу грехов», и обращает молитвенный взор к небесам: «Господи, услыши молитву мою! Не отвержи меня в день скорби, когда воззову к Тебе. Господи, услыши молитву мою!». В рассказе-исповеди «Главное причастие» повествователь признается: «... Единственным моим желанием было и остается одно: замереть на родине и упокоиться в той земле, где Господь вывел меня на Божий свет и по которой я ходил босыми ногами». И завершают размышления слова: «... То, что человек приходит ко Христу, – это главное дело жизни. Отсюда и смысл ее – спасение души».

Отдельное место среди произведений В.Н. Крупина нынешнего столетия занимают записки паломника о Святой Земле, о Святой Горе Афон, сложившиеся из личных впечатлений. Паломнический посох поддерживает повествователя, ступающего босыми ногами по Крестному пути Спасителя, на жизненном пути, оживляет библейские истории о рождении Спасителя, о его земных днях: «Я стоял в темноте палестинской ночи, запрокидывал голову, и мне на лицо радостным дождем сыпались звезды. Представлялись ясли, сухое душистое сено, добрые морды коров и овец и эти пастухи, сразу поверившие бесхитростным сердцам, что в мир пришел Спаситель» («Незакатный Свет»). Взор и думы паломника совершают круг: возносятся к небу и устремляются к земле, уносятся из настоящего в глубины памяти и возвращаются в день сегодняшней. В самолете, читая Псалтирь, он находит место, «будто специально написанное для чтения в пространстве меж небесами и землей: «Истина от земли возсия, и правда с Небесе приниче, ибо Господь даст благость, и земля наша даст плод свой» (Пс. 83, 84) («Да не усну в смерть!»). «Не в чернильницу макается его перо, а в душу», – заметил в одном из отзывов В.Г. Распутин².

Рассматривая духовные основы русской литературы XIX века, профессор Московской духовной академии, православный филолог М.М. Дунаев замечает: «Религиозность нашей литературы проявляется не в простой связи с церковной жизнью, равно как и не в исключительном внимании к сюжетам Священного Писания. Главное: русские писатели смотрели на жизненные события, характеры и стремления людей, озаряя их светом евангельской истины, мыслили в категориях Православия <...> Именно Православие повлияло на пристальное внимание человека к его духовной сущности, на внутреннее самоуглубление, отраженное литературой»³.

¹ Крупин В.Н. Кильмезь, сердце мое! // Крупин В.Н. Пока не догорят высокие свечи...: избранная проза. – М.: Смирение, 2013. – 416 с. – С. 178.

² Распутин В.Г. Слово о писателе // Крупин В.Н. Живая вода: повести и рассказы. – М.: Дет. лит., 2001. – 316 с. – С. 8.

³ Дунаев М.М. Православные основы русской литературы XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – М., 1999. – С. 3.

В «душеполезное чтение», соединяющее мирскую жизнь и жизнь духовную, выливается прикосновение к прозе В.Н. Крупина: она и утешение приносит, и сердечные раны залечивает, и душу исцеляет, она вводит на корабль, который движется в житейском море навстречу рассветному солнцу.

Литература

1. Дунаев М.М. Православные основы русской литературы XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – М., 1999.
2. Ильин И.А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. VI. – Кн. 1. – 560 с.
3. Крупин В.Н. Книга для своих. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 512 с.
4. Крупин В.Н. «Мы избрали путь за Христом...» // Благовест. – Самара, 1998. – № 21.
5. Крупин В.Н. О назначении писателя в России // Крупин В.Н. Книга для своих. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 512 с.
6. Крупин В.Н. Пока не догорят высокие свечи...: избранная проза. – М.: Смирение, 2013. – 416 с.
7. Крупин В.Н. Последний бастион Святости. Господи, спаси Россию! – М.: Алгоритм, 2013. – 272 с.
8. Крупин В.Н. Слава Богу за все // Роман-газета. – 1995. – № 17.
9. Распутин В.Г. Слово о писателе // Крупин В.Н. Живая вода: повести и рассказы. – М.: Дет. лит., 2001. – 316 с.
10. Через духовное обновление к национальному возрождению. – М.: МОО «Всемирный Русский Народный Собор», 2012. – 237 с.

САМОБЫТНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В НОВЫХ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ

Скотникова Галина Викторовна,

доктор культурологии,

профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры,
г. Санкт-Петербург (Россия)

Отечественная гуманитарная наука, изучающая самобытность русской культуры, в настоящее время выходит на принципиально новый уровень. Речь идёт об исследованиях в области музыковедения, искусствоведения, литературоведения, народного искусства, архитектуры, философии культуры и истории философии, объединённых общим методологическим корнем – православно-метафизическим подходом. Суть этого подхода состоит в рассмотрении феноменов культурного наследия сквозь архетипическую призму, в раскрытии памятников прошлого как «действующих лиц» современности, позволяющих ощутить чистую воду русской истории, духовную преемственность и живую силу традиции. В каждой из названных сфер знания открыты новые системы исследовательских координат – *новые научные парадигмы*. К их ведущим представителям принадлежат музыковед В.И. Мартынов, искусствовед А.М. Лидов, философ культуры А.Л. Казин, литературовед В.Н. Захаров, историк русской литературы А.Н. Ужанков, историк архитектуры Ю.Р. Савельев, исследователь народной художественной традиции М.А. Некрасова, историк философии Н.П. Ильин.